

18+

Елена Бурдина

АЛЕНКА В ШОКОЛАДЕ

Елена Бурдина
Аленка в шоколаде

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56079248

ISBN 9785005101808

Аннотация

Истории, рассказанные маленькой девочкой с детской непосредственностью и с юмором. Из чего варят Палкину кашу? Зачем украинские девушки прицепляют ленты к венку? Откуда берется вдохновение? Все это можно узнать вместе с Аленкой...

Содержание

Прятки	7
Дедушка Ленин	10
Шоколад	11
Старший брат	16
Кино и петушок на палочке	18
Ангел-хранитель	22
Волшебная страна	26
Первая книга	31
Палкина каша	34
Мой дед	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Аленка в шоколаде

Елена Бурдина

Моим родителям посвящается.

© Елена Бурдина, 2020

ISBN 978-5-0051-0180-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Одно из моих первых воспоминаний детства – красные штанишки. Такие ярко-кирпичного цвета, рейтузики. Я их одеваю и иду гулять на улицу, сама. Мне еще нет и двух лет. (Видела я потом, эти рейтузики – их разве на куклу натянуть можно)

Я живу с бабушкой и дедом, потому что, моя мама учится в институте, в другом, городе. Так, штанишки надеты. Куда же бабушка подевала мои ботиночки? Такие красивые: коричневые, кожаные, со шнурками. Да... Шнурки я все равно завязать не смогу, своими маленькими непослушными ручками. И что же теперь, отказаться от прогулки? Нет уж. Я обуваю бабушкины туфли. Они велики конечно, но не страшно.

С трудом открываю тяжелую дверь, выхожу в темный коридор, нахожу на ощупь, другую дверь – та открывается

уже легче, выхожу на крыльцо. С крыльца вниз ведут три! Огромные! Ступени...

Спускаться нелегко, а тут еще и туфли на десять размеров больше. Но такой уж у меня характер – если решила что-то сделать, то не отступлю. Хорошо, что дедушка сделал перила возле ступенек.

Собака Найда рада видеть меня, она виляет хвостом, приглашает поиграть. «Нет, Найда, потом. У меня очень важное дело.» Пересекаю небольшой двор – и счастье! Калитка не заперта! Видимо, бабушка торопилась в магазин, пока я сплю.

Открываю калитку и выхожу: вот он, Большой мир! Весна, солнце светит ярко, птицы поют, начинает проклевываться первая травка; подхожу к дороге – по канаве быстро течет ручей, как маленькая речка. Ну а больше, ничего интересно-го не происходит. Мы живем на окраине небольшого города, вокруг частные деревянные дома, даже машины редко проезжают по нашей улице.

И тут я вспоминаю: что встав с кровати, я не присела на горшок, увлекшись мыслями о прогулке. Надо поторопиться обратно. А, нет, поздно. Можно уже не торопиться... Красивые рейтузики потемнели и стали мокрыми. Ай-яй-яй, Аленка! Бабушка будет ругать, новые штанишки... Кажется и солнце, светит уже не так ярко, и на улице делать нечего. Я грустно плетусь домой. «Отстань, Найда».

Мне стыдно. Я не знаю, что скоро в жизнь малышей при-

дут памперсы, и детям разрешат в них ходить до двух лет.

Прятки

Я иду в дом, переодеваю штанцы и думаю, чем заняться. Можно поиграть с кошкой в прятки. Прятки у нас такие: прячется все время кошка, а я ее ищу по всему дому. Она иногда, так хорошо спрячется – где-нибудь, наверху. Я не могу ее найти и начинаю шуметь.

Кошки не любят шум. И если поднять повыше, а потом бросить на пол, крышку от большой кастрюли – Мурыська обязательно выскочит из своего укрытия. И побежит, сначала к двери, но дверь закрыта! И кошка бежит опять, прятаться от меня.

И вот тут, нужно смотреть внимательно, куда она направляется. Если под кровать – то это не проблема для меня, заползти следом. Я пытаюсь схватить Мурыську за лапу, кошка шипит и убегает.

А вот если Мурыська запрыгнет на шкаф или на печку – это уже сложнее. Кошка в этот раз, запрыгнула на сервант. Смотрит на меня, ехидно улыбается и умывается не спеша: облизывает лапку и трет мордочку.

Ах ты, хитруша! Я хочу ее достать, пододвигаю стул к серванту – но нет, моего роста не хватает дотянуться до Мурыськи. Кошка торжествует. Тогда я решаю: поставить второй стул сверху, они легкие, венские гнутые стулья; я ставлю их, один на один, но второй стул кособочится и падает.

Я смотрю по сторонам, и нахожу другое решение: мой маленький детский стульчик! Он хорошо становится на большой стул.

Кошка с опаской наблюдает за моими маневрами. Осталось только забраться на это сооружение и не упасть при этом. Учитывая мою неуклюжесть, это вполне вероятно. Тут, вовремя появляется бабушка, и мы с кошкой остаемся целыми и невредимыми.

– Лена! Что ты делаешь! Слезай сейчас же! – Бабушка подхватывает меня, и разбирает башню из стульев.

Мне не очень нравится, когда меня называют Леной. В моем представлении, Лена – это взрослая, серьезная девочка, которая слушается взрослых, доедает всю кашу без капризов, и нет с ней никаких проблем. А Аленька – это шкодный ребенок, который постоянно что-то придумывает, везде лезет, часто нарушает идеальный бабушкин порядок.

Почему у меня два имени? Ну, так получилось. Когда меня, затаенную в пеленки, принесли в ЗАГС, чтобы зарегистрировать, тетя в сером платье и с пучком на голове спросила:

– Как назвали девочку?

– Алена. – Ответила мама.

– Нет такого имени. – Заявила тетенька.

– Почему нет? – Удивились мама и бабушка.

– А вот так! – Потрясла каким-то формуляром, строгая тетенька. – Алена, это производное от имени Елена. Поэто-

му, я напишу в свидетельстве о рождении: «Елена», а дома –
называйте как хотите.

Дедушка Ленин

Другое яркое впечатление: поход с дедом, на кладбище. Почему с дедом – не знаю, но по какой-то причине, бабушка осталась дома. Был Родительский день, на кладбище – толпы народу, как на базаре, в базарный день. Я засмотрелась на красивые цветы на венке, и потеряла деда из виду. Смотрю по сторонам – нет нигде.

– Деда! – Крикнула я, – дедушка!

Не отзывается мой дед. Вокруг чужие бабушки и дедушки. Но мне-то, нужен мой! И я опять кричу:

– Дедушка Ленин! Ленин дедушка, ты где?

Прохожие шли мимо и улыбались, весело им. Но меня зовут Лена, и мне нужен мой дед, то есть – Ленин. Аленкин – говорить долго, Ленин – быстрее.

Дедушка нашелся быстро, хорошо, что я не стала плутать по кладбищу, а осталась стоять в том же месте, где потеряла деда из виду.

А дед потом, часто всем рассказывал историю, – как его внучка звала дедушку Ленина, на кладбище.

Шоколад

Мне уже три года. Мы едем с бабушкой в автобусе. Конец весны, уже достаточно тепло, но я в кофточке и в платочке – чтоб дитю уши не надуло. Я сижу у окна, напротив меня – мальчик с мамой. Мальчик, немного меня постарше. Он рассматривает меня в упор, пытается привлечь мое внимание – попинывая мою ногу своим ботинком. Я прячу ноги под сиденье. Мальчик не унимается, решает заговорить.

– Девочка, как тебя зовут?

Я отворачиваюсь к окну. Вот еще, буду я с мальчишками разговаривать. Мальчик не отстаёт.

– Почему ты молчишь? Ты не умеешь говорить?

Бабушка пытается сгладить мою невежливость.

– Аленка ее зовут. – И повернувшись ко мне, упрекает: – Ну что ты за бука! Поговори с мальчиком... – Хотя знает, что это бесполезно. Я не люблю разговаривать с незнакомыми людьми, и никто не заставит меня это делать.

– А, точно! – Мальчик дергает маму за рукав. – Я ее узнал! Это Аленка в шоколаде, помнишь, ты мне шоколаду покупала? Это точно она. Такие же глаза, щечки и платочек.

Мама мальчика смотрит на меня и улыбается:

– Да, похожа.

Шоколад я люблю, но мне его покупают нечасто – его действительно, редко привозят в наш небольшой магазин

на окраине города. Мама привезла мне недавно небольшую шоколадку, вот было счастье! Развернув шелестящую фольгу – я разламываю шоколадку на кусочки, и иду делиться. Бабушка отказывается, говорит, что не любит. Мама и дедушка берут по кусочку, все остальное достается мне! Но шоколадка съедается быстро, а когда будет следующая – неизвестно.

Копаясь, как-то раз, совком в песке, возле дома, я докопалась до глины. Она такая мягкая, послушная в руках, и по цвету похожа на шоколад! Я решила налепить из нее конфет. В процессе работы, конечно же, нужно и щеку почесать и волосы поправить.

Конфеты получились красивые, совсем как настоящие. Я их положила сушиться на солнце, и не удержалась, попробовала одну. Вкус конечно – не очень. Но если представить, что это не глина – а конфеты, то вполне можно пожевать.

Через какое-то время, бабушка выходит звать меня обедать – и видит совершенно чумазого ребенка, и надкусанные глиняные конфеты.

– Аленка! – Охает бабушка, – ты глину ела?

– Нет! Это кафеты! – Объясняю я бабушке.

Куда там, бабушке разве объяснишь... Она хватает меня в охапку и несет во двор. Во дворе стоит бочка с дождевой водой, бабушка зачерпывает горсть, и пытается отмыть мне мордашку, глина только сильнее размазывается.

– Сейчас засуну тебя в бочку полностью, и буду отмывать! – Сердится бабушка.

– Нет, не надо в бочку! – Верещу я. Бочка большая, выше меня ростом, я боюсь, и совсем не хочу в нее попасть. Услышав шум, на крыльцо выходит дедушка.

– Вот, погляди на свою внучку! – Негодует бабушка, – глину ела, и говорит, что это конфеты...

Дед почесал пятерней в затылке.

– Да... Надо бы, купить чего-нибудь к чаю. Схожу после обеда в магазин, может конфет привезли.

После этой фразы я мужественно терплю помывку и бабушкины причитания. Дедушка купит конфеты! Настоящие...

После обеда я на улицу не выходила, сидела наказанная дома и играла с куклами. А на следующий день, дедушка мне выдал целых две! Шоколадные конфеты! Себе взял одну, к чаю. Отрезал ножом половинку, потом половинку еще пополам потом еще – и такими маленькими кусочками ел, запивая чаем.

Мои две конфеты давно исчезли, а дедушка свою так и не доел. Последний, маленький, аккуратно отрезанный кусочек, завернул в фольгу, потом в фантик, и положил на блюдце. «Вечером доем». – Сказал дед, и хитро посмотрел на меня.

Время от времени, я подходила и смотрела на блюдце – кусочек конфеты оставался там. Странно, неужели дедушке не хочется его доест?

Дедушка что-то мастерил во дворе, и про свой вкусный

кусочек, похоже, не вспоминал. Но взять без разрешения? Нет, нельзя. Не то, чтобы я была очень уж послушной девочкой, но я очень любила своего деда. И забрать его конфету, пусть даже это маленький кусочек – я бы не смогла.

Бабушка, заметив мои хождения вокруг стола, сжалилась.

– Да возьми этот кусочек, доешь.

– Это дедын кусочек, – не соглашаюсь я, – он сказал, вечером доест. – И чтобы не думать об этом конфетном кусочке – ухожу гулять во двор.

Откуда мне было знать, что дедушка купил целый килограмм этих конфет, и надежно спрятал. Чтобы продлить мне праздник. Выдавал по две, или по одной – если я капризничала и плохо ела.

Я заподозрила, что конфеты где-то спрятаны, потому что утром дед в магазин не ходил, а конфету мне в обед, после куриного супа, выдал.

Я пыталась их искать – но куда там! Если дед что-то спрятал – искать бесполезно. И не скажет никогда, не проболтается.

А еще, дедушка покупал иногда сгущенку, вот это вкусно! Такие красивые баночки, с синими и белыми полосками. Но ее тоже прятал, сгущенка волшебным образом, появлялась у нас на столе, когда мы вечером пили чай. Я возила в баночке ложкой, потом осторожно ложечку поднимала, сгущенка стекала обратно тоненькой струйкой, рисуя разные узоры. Нужно было дожидаться, когда струйка оста-

новится и быстренько отправить ложку в рот.

Со сгущенкой связано еще одно воспоминание, правда, не совсем веселое.

Старший брат

У меня есть старший брат, его зовут Гена. Он сын моей тети, маминой сестры. Они живут отдельно, но иногда приходят к нам в гости.

Он очень большой мой брат! Ему уже тринадцать лет, и он совершенно не хочет со мной, малявкой, играть. Он смотрит на меня свысока, и будто делает одолжение, а я на него – с восхищением и обожанием, он ведь такой большой и сильный.

В этот раз, дедушка подарил Гене банку сгущенки, моя тетя положила ее в сумку и сказала Гене: «Откроем дома». Но Гена хитрый, и не боится никого! Когда тетя не видела, он вытащил эту банку из сумки, проделал в ней дырочку, открывашкой. Из банки полезло сладкое молоко! Но Гена проделал еще одну дырочку, с другой стороны, и стал эту сгущенку пить. Вот же, наверное, вкусно вот так! Это совсем не то, когда открывают банку, и дают тебе зачерпнуть ложечкой.

– Ген, – спрашиваю я, – вкусно, да?

– М-м-м, как вкусно... – Подтверждает брат.

– Ген, а дай попробовать? – Прошу я жалобно.

– Не дам. – Отрезает Гена, – ты и так толстая.

Я не обижаюсь, ну как можно обижаться на старшего брата. Но и не отхожу от него, в надежде – что Гена еще немного

попьет из банки, потом подберет – и даст мне попробовать заветной сгущенки.

Бабушка и тетя что-то делают в саду, а Гена с комфортом расположился на диване, он не обращает на меня никакого внимания, листает журнал и вытягивает молоко из баночки. Сходил в кухню, не выпуская сгущенки из рук, принес кружку с водой. Запил водичкой – и прикончил всю банку. Всю банку!

Я не верю, может там еще осталось чуть-чуть? Я хочу попробовать, вдруг осталось? Но Гена безжалостно говорит: «Нет. Ничего не осталось». Потом сплющивает банку руками и выкидывает в ведро. Тут уже, я не выдерживаю, выхожу на крыльцо и начинаю плакать:

– Бабушка-а-а! А Гена всю сгущенку съел, помял и выкинул...

Бабушка не знает, как реагировать, но реагирует моя тетя, дает сыну подзатыльник и начинает ругаться:

– Ах ты, бесстыжий, я же домой хотела отнести!

– Ябеда-корябеда! Жиртрест! – Кричит обиженный Генка, мне. Я в ответ рыдаю еще больше.

– Зачем ты обзываешь ребенка, – вступается бабушка, – она же маленькая.

– Она маленькая ябеда! Пусть вообще, ко мне больше не подходит.

Я плачу горькими слезами. Вот такой у меня брат, ничего с этим не поделаешь, но все равно он самый лучший.

Кино и петушок на палочке

Самый большой праздник у меня был – когда мама приезжала на каникулы! Я не отходила от мамы не на шаг, а она наряжала меня в красивые платьица, завязывала большие банты на мои куцые хвостики, и мы шли гулять. Мы гуляли по центру города, качались на качелях в парке, мама покупала мне конфеты и игрушки.

Утром, я подскочила не свет ни заря, ведь сегодня мы идем в кино! В настоящий кинотеатр, там все будет хорошо видно – не то что в нашем маленьком телевизоре.

– Что ты топаешь, как слон, – ворчит бабушка, – дай матери немного еще поспать.

– Хорошо, – соглашаюсь я. – Я не буду как слон. Смотри, как я умею ходить на цыпочках, – я показываю бабушке, но тут же теряю равновесие, валюсь на бок, задеваю таз, что стоял на табуретке – и таз и ковшик, что был внутри, с грохотом падают на пол.

– Ну что за ребенок такой, неуклюжий... – Сокрушается бабушка. Заспанная мама заглядывает на кухню:

– Что тут у вас случилось?

– Да ничего, доча твоя показывает, как он на цыпочках может ходить. – Балериной будет наверное.

– Я могу, да, я могу! – Я показываю маме, свои «цыпочки», но теперь, предусмотрительно держась за стенку. – Я

видела в телевизоре, так тетенька танцевала.

Я слегка приседаю и топчусь на месте, с грацией молодого бегемотика. Мама с бабушкой смеются. «Да и ладно», – не обижаюсь я, – «пусть смеются, зато сегодня мы идем в кино!» Очень интересное будет кино. Мама сказала – новый фильм, называется «Бриллиантовая рука».

В кинотеатре, я мужественно высидела у мамы на коленях пятнадцать минут, потом, потихоньку сползла на пол, и пошла осматривать зал. Хорошо, что мы сидели с краю, возле прохода. Я прошлась наверх, потом спустилась вниз, по большим ступеням. Какая-то девочка, глядя на меня, тоже выскользнула с кресла и стала ходить вслед за мной. Девочка оглядывается по сторонам, потом спрашивает:

– А ты свою маму как потом найдешь? Здесь темно.

Я пугаюсь сначала, но потом смотрю внимательно в зал, большой экран светит ярко. Да вот же она, моя мама, самая красивая! В белых брюках, с длинными темными волосами. Как можно, такую не заметить. Она смеется, глядя на экран, – дядька прячет пистолет в фуражку, и надевает ее на голову.

Идем домой, после кино – мама мне покупает красного петушка на палочке. Как я люблю таких петушков! Когда леденец заканчивается, надо погрызть деревянную палочку, она тоже немного сладкая. Я хотела эту палочку сохранить, а дома, вечером, еще погрызть. Но мама не дала. Хотя леденец был и на палочке, но после него оказываются липкими

и руки и лицо. Мы видим колонку с водой, идем к ней, мама нажимает на тяжелый рычаг и говорит: «Мой руки, только осторожно!»

Я сую ладошки под упругую струю, вода брызжет везде: на мое платье и на новые гольфы, на мамины белоснежные брюки, на туфли... Вот бабушка, отругала бы! А мама смеется:

«Ничего, лето на дворе, высохнем».

И последний аккорд этого счастливого дня. Мы стоим на остановке, ждем автобус, и неподалеку – мама замечает автомат с газированной водой.

– Хочешь лимонада? – спрашивает меня.

Ну конечно! Я радостно киваю головой. В большом автомате есть две маленькие дырочки для денег. Одна совсем маленькая, нужно опустить копейку, подставить стакан – и польется газированная вода. Но она не сладкая, и совсем не вкусная. А вот в другую дырочку, побольше, нужно опустить три копейки. И тогда, в стакан капнет вкусный сироп, а потом польется газировка.

– Ты какой напиток будешь, – спрашивает мама, – яблочный или грушевый?

Я люблю грушевый. Мама опускает в автомат три копейки, нажимает кнопку с красивым названием «Дюшес», – и вот с шипением, льется в граненый стакан газированная вода. Я пью потихоньку, пузырьки подпрыгивают и стреляют мне в нос, но как вкусно! Я не могу осилить целый стакан,

отдаю маме. Довольные, мы возвращаемся на остановку, как раз к приходу нашего автобуса.

Ангел-хранитель

Не знаю, что «помогло» мне заболеть, поедание конфет из глины, или что-то еще. Но это случилось. Я лежу на диване, мне плохо: у меня высокая температура и болит живот. Так же не знаю, как моя мама за 1800 километров почувствовала, что мне грозит опасность. Пятница, вечер – подруги зовут на студенческую вечеринку, а у нее на сердце тяжесть, места себе не находит. Как там дочка? Может что-то случилось? Телефона у бабушки нет, не позвонить, не узнать.

Мама решается, едет на вокзал – денег в кошельке еле хватает на билет. Поезд отходит через пятнадцать минут. Она заскакивает в вагон. И через сутки, вот он, наш городок; бегом с вокзала домой – и точно! Аленка вся бледная, лоб покрыт испариной, почти теряет сознание. Бабушка в слезах: «Не знаю, что делать! Она говорила – животик болит. В понедельник надо к врачу...»

Какой понедельник! Мама хватается меня на руки и несет в ближайшую больницу. Как это получилось, у хрупкой стройной женщины, в сорок шесть килограмм весом, дотащить меня, не худенькую такую, – килограмм шестнадцать, наверное; почти два километра до больницы – никто не знает. А дальше мне просто повезло, что в субботу нашлись врачи, и все они хорошо знали свое дело.

В приемном покое, врач, после быстрого осмотра прини-

мает решение – на скорую, и в госпиталь, в хирургию. Хирург в госпитале командует: «Срочно в операционную, это перитонит». Я прихожу в себя на столе, надо мной большая круглая лампа, врач в белой маске спрашивает:

– Мульттики любишь смотреть?

– Да... – Слабо отвечаю я.

– Сейчас посмотришь.

Мне на лицо кладут марлевую тряпочку, пахнущую чем-то, очень противным. Я пытаюсь сопротивляться, но тут же отключаюсь. Потом, долгие дни в больнице. Вставать нельзя, но меня развлекают со всех сторон – бабушка приносит всякие вкусности, мама читает книжки, рядом со мной мои любимые игрушки. Приходит врач улыбается:

– Ну как дела, Аленка?

– Хорошо, – я пытаюсь улыбнуться в ответ.

– Больше не ешь конфет из глины, обещаешь мне?

– Да, – киваю я доктору. Теперь у меня этих конфет, настоящих – целый кулек в тумбочке: и шоколадные и карамельки. Меня угощают все, и знакомые и незнакомые. Но конфет не хочется, вообще есть не хочется.

– И скажите спасибо, вашему ангелу-хранителю, – добавляет тихонько доктор маме – еще бы несколько часов и было бы поздно.

– Мам, – спрашиваю я потом, – а кто это, ангел-хранитель?

– Это ангел, который охраняет тебя от всех бед.

– Это он сказал тебе, чтобы ты приехала?

– Да, наверное, – улыбается мама.

Через какое-то время, разрешили вставать, но ходить было страшно, почему-то. Я держусь рукой за бок, и боюсь разогнуться.

Мама вынесла меня в больничный двор – большая асфальтированная площадка, залитая солнцем.

«Пойдем, погуляем», – предлагает мама. Но мне страшно! Кажется, если я сделаю шаг – то упаду, прямо на этот нагретый солнцем асфальт. И что теперь? Я разучилась ходить? Это в четыре-то года? Мне стыдно, но страх преодолеть не могу. Тогда мама берет меня за руку: «Давай, сделай два шажочка, потом остановишься и отдохнешь». Я делаю шаг и останавливаюсь, цепляясь двумя руками за мамину руку.

«Смотри, кошка!» – Показывает мама. В теньке, возле больничной стены, разлеглась большая рыжая кошка, вот она потянулась всеми лапками и перевернулась на другой бок. Я хочу ее погладить, забываю про то, что не умею ходить, и мы дотопали потихонечку, до этой кошки. Я ее осторожно глажу, кошка довольно мурлычет.

– Вот видишь, – ты сама дошла до кошки! Значит, ты не разучилась ходить! – Констатирует мама.

– Нет, – не соглашаюсь я, – я разучилась, а потом снова научилась.

– Опять ты споришь, – улыбается мама, – значит выздо-

равливаешь.

Мы возвращаемся в палату. Все хорошо, скоро на выписку и домой.

Волшебная страна

Я очень рада, мы идем в гости к бабушкиной сестре! Бабушкину сестру зовут Даша, она тоже бабушка. У нее день рождения, и пришло много гостей: ее взрослые дети, родственники, подруги.

– Поздоровайся, Аленка... – Без надежды в голосе, говорит моя бабушка.

Я молчу и прячусь за ее спину, слишком много людей, и все незнакомые.

– Она стесняется, – оправдывается бабушка, – целый день дома одна, с игрушками да с кошкой. Я ведь, то во дворе, по хозяйству, то на кухне.

– Так ее в садик надо отдать, Мариш, а то она совсем одичает, скоро пять лет дитю, а она ни с кем не разговаривает. Да и тебе полегче будет. – Советует бабушкина сестра.

– Да, надо, – кивает бабушка, – я узнавала – сказали в конце лета приходиться.

Вот наконец, все садятся за стол, вернее два стола сдвинуты вместе, накрыты красивыми скатертями. Стульев не хватает – на две табуретки кладут широкую доску, получается лавка; сверху накрывают покрывалом – и вполне удобно сидеть.

Меня оставляют в покое, взрослые едят, разговаривают, пьют ягодную наливку из крохотных рюмочек. Бабушка го-

ворит с гостями по-украински, а мне так нравится слушать: такой красивый, певучий язык. И когда все наелись – начинается самое интересное. Бабушки начинают петь. Сначала грустные украинские песни, мелодичные, красивые. Потом веселые:

«Распрягайте хлопцы коней, да лягайте почивать...» Ах, как хорошо поют! Женщинам начинают подпевать мужчины, и так у них слаженно выходит.

«Марыся, раз, два, три, калина...» – Дядька с большими усами, громко и красиво свистит в этом месте, я аж раскрываю рот. Кажется, сейчас выйдет из стойла его красавец конь... Сядет дядька на коня, и поскачет куда-нибудь. На Украину, например.

Украина, мне представлялась сказочной страной, где все не так, как у нас. Дома белят не только изнутри но и снаружи. Ягоды вишни большие, сладкие и растут на деревьях, а не на маленьких кустах.

– А какие там фиги, а груши... – Вздыхает бабушка Даша, когда вспоминает свою бывшую родину.

Я смеюсь. Моя бабушка мне объясняет:

– Фига – это фрукт такой.

Мне трудно представить фрукт, который называется фи́га.

– А груши там вкусные? – Груши я знаю, я видела на картинках, в живую не видела. Мы живем в Амурской области, наши груши маленькие, круглые и кислые.

Бабушка задумывается, потом объясняет:

– Ну лимонад «Дюшес», знаешь? Вот такой вкус, примерно.

Да, я люблю лимонад. И «Дюшес» самый вкусный, это точно.

– Груша настоящая – это как яблоко, но длиннее, – бабушка Даша решила помочь в объяснениях, она показывает руками размер яблока.

– Разве бывают такие яблоки? У нас в саду маленькие, красные растут. Вот такие. – Я показываю размер яблочка.

– Тю, дак то ранетки, а я тебе про настоящие яблоки рассказываю. – Бабушка Даша смотрит на меня с грустью, – Мариш, свози внучку на Украину, пусть ребенок посмотрит, какие бывают яблоки и груши.

– Да я бы свозила, Даш, – но вот здоровье совсем некудышнее стало, сердце прихватывает часто. Куда же я, в такую даль, да с ребенком. Вот подрастет – сама съездит. Или мать свозит.

– А какие помидоры на Украине, – продолжает травить душу бабушка Даша. – Сочные, сладкие, одну помидорину с хлебом-солью съел и наелся.

– А конфеты там есть? – Допытываю я бабушку Дашу.

– Конечно есть, як же без конфет. Но лучше всяких конфет – это вареники с вишней. Вот вкусно, так вкусно. Со сметанкой, ух...

Я задумываюсь. Как есть вареники с вишней – если вишни с косточками. Ягодки маленькие, косточки не так легко

выковыривать.

– А вы ели вместе с косточками?

– Та не, зачем же с косточками, косточки надо вытаскивать. Это ж не те вишни, что у нас, это настоящие вишни, большие, вкусные. – Бабушка Даша жалеючи, гладит меня по голове, спрашивает сестру:

– А Маринка твоя, как? Долго ей еще учиться?

– Да еще два года.

– Смотри, как долго на артистку учиться надо. Я и не думала. Она потом в кино играть будет?

– Та я не знаю, чи в кино, чи в театре.

Бабушка не показывала виду, но ей было приятно рассказывать, что ее младшая дочка учится на артистку. Небось, туда кого попало не берут. Как дочь говорила – конкурс был пятнадцать человек на одно место. А ее взяли. Я тоже гордилась своей мамой. Когда показывали кино по вечерам, мы садились все вместе, на большой старинный кожаный диван, и смотрели. Я всегда спрашивала:

– А там мою маму покажут?

– Да не покажут, твоя мама учится еще только. – Объясняла бабушка.

– Нет, покажут! – Спорила я с бабушкой, – вот увидишь, покажут!

Бабушка знала, что спорить со мной бесполезно, и мы начинали смотреть кино. Моя бабуля всегда переживала за героев: охала, ахала, смеялась, а дед хмыкал недоверчиво

и иногда махал рукой:

– Вот ведь, брешуть.*

Где-то на середине фильма, дед вставал и уходил в свою комнату.

– Та чего ж ты уходишь, на самом интересном, – удивлялась бабуля.

– А я уже и так знаю, чем закончится, чего время терять, – отвечал дед, – лучше спать пойду.

Потом, вскоре, отключалась и я, так и не дождавшись появления мамы в телевизоре. Бабушка переносила меня сонную в кровать, а я бормотала: «Куда ты меня несешь, положи на место... Сейчас маму будут показывать...»

*Брехать – говорить неправду, обманывать.

Первая книга

Какую красивую книгу мне подарили в больнице! Называется азбука. Там много картинок, и большие буквы на первой страничке.

– Смотри, это арбуз, значит это буква А. Это барабан, и рядом буква Б, все просто, – объясняет мне бабушка, бывшая учительница. – А дальше сама смотри, мне некогда. И вот тебе тетрадка, напиши туда буквы, какие захочешь, – придумывает бабушка чем меня занять и уходит в огород. А я сажусь изучать азбуку. Ножницы – Н, матрешка – М, все понятно.

На первой странице буквы расположены поодиночке, а на следующих – они собираются вместе, сначала по две, а потом по три в ряд. Я иду к бабушке за разъяснениями.

– Это слоги, из них потом получаются слова, как дом из кирпичиков. Б и А получится БА, М и А получится МА. Иди, смотри картинки, мне некогда. Я потом тебе почитаю.

Бабушка уходит доить козу. Да, потом... Потом она пойдет кормить курей, потом будет готовить ужин, потом фильм начнется по телевизору. Я вздыхаю и иду разбираться сама. Б и А, БА. М и А, МА. Ма, как мама. Я смотрю дальше, в книжке написано: ма, черточка, ма. Я проговариваю еще раз: ма-ма. Я прочитала! Так это не сложно, оказывается. Гораздо сложнее писать.

Какая сложная буква М! Палочка вниз, вверх, вниз... Я пыхчу, стараюсь, и вот: конечно коряво, но у меня получилось в тетрадке: МАМА.

Так я научилась читать, сама. Сначала слоги в азбуке – смешные такие: «ба бу бы би». Как будто, кто-то дудит в трубу. Потом слова: «Мама мыла раму». И нарисована тетенька в платочке, которая моет окно.

Я прочитала всю азбуку и потребовала от бабушки новую книгу.

– Ты эту еще не прочитала, – отмахивается бабушка. За новой книгой нужно ехать в центр, в книжный магазин, а ей все время некогда.

– Прочитала! – Возмущаюсь я.

– Ну, так покажи нам, как ты читаешь, – поддержал бабушку дед, – и открывает азбуку на второй страничке, там, где «ба-бу-бы».

– Здесь неинтересно. – Я перелистываю книжку в конец, и слегка запинаясь, читаю рассказ про октябренька Петю, который ходил в поход.

Дед переглядывается с бабушкой:

– Смотри-ка, точно прочитала! А как ты научилась?

– Мне бабушка объяснила, что буква называется так, как картинка, что рядом. Ну и потом, что слоги – это как кирпичики, из которых делаются слова, ну и все понятно стало.

– Умница! – Гладит меня по голове бабушка. – Моя внучка!

С тех пор, книги стали моими лучшими друзьями. Как это ни банально звучит, но это так. Периодически, бабушка меня выпроваживала на улицу, погулять. Нашла мне подружку, примерно моего возраста – Иришка жила на нашей улице, через три дома. Мы играли в куклы, в магазин, в больницу, как все девочки. Но, когда у меня появлялась новая книга – выбор был однозначен: я предпочитала сидеть дома и читать, а не кормить кукол кашей из песка.

На одной из страничек азбуки была картинка: девушки и парни из разных республик танцуют в одном хороводе. Я рассматриваю девушку в национальном украинском костюме: на голове венки из цветов, и сзади к венку привязаны разноцветные ленты. Я спрашиваю у бабушки:

– Зачем ленты?

– Так чтоб красивее было! – Поясняет бабушка. – Пойдет девка плясать, а ленты вокруг нее так и выются, – красота, глаз не оторвать.

Я тоже, решаю сделать себе такой костюм. Венка у меня нет, я просто обвязываю голову атласной ленточкой, а к ней прицепляю все ленты и банты, что у меня есть. Смотрю в зеркало – и вправду красиво! Я танцую, кружусь, ленты кружатся вместе со мной, хорошо быть украинской девушкой!

Палкина каша

После больницы, бабушка всякими способами, пыталась меня откормить. Но получалось у нее не очень хорошо. Аппетита у меня не было вообще. Это может и хорошо, потому что из маленького пухлого бегемотика, выращенного на козьем молоке – я превратилась в нормальную, даже стройную девочку. Но бабушка охала и ахала. Дед решил ей помочь, стал рассказывать:

– А я вот в детстве, любил Палкину кашу. Она волшебная. После нее дети растут быстро и выздоравливают, если болели. И такая вкусная эта каша – ешь и оторваться не можешь.

– Что за Палкина каша? – Заинтересовалась я.

– Из палки сварена. – Подмигивает дедушка. – Могу сделать завтра. Но, если сегодня ты съешь все, что бабушка приготовила.

Съесть все, что приготовила бабушка, конечно же, было невозможно. Но я мужественно съела тарелку борща на обед, и несколько вареников с картошкой, на ужин.

– Ну, хорошо. – Согласился дед. – Завтра будет тебе Палкина каша.

С утра дедушка начал приготовления, он взял кусок дерева, распилил на маленькие кусочки и вырезал из них небольшие ложки. «Эту кашу, нужно только деревянными ложками есть, поэтому она и называется, Палкина каша».

Ближе к обеду, дед начал искать казанок.* Я не отходила от него, чтобы увидеть все моменты приготовления волшебной каши. «Нужен специальный казанок», – продолжал дедушка, – «в простой кастрюле ее не сваришь». Специальный казанок нашелся. Дедушка растопил печь, налил в казанок немного воды и поставил кипятиться. Что он добавлял еще, в этот казанок – я уже не помню. Но получилось действительно вкусно! И вкус был не похож, ни на одну кашу, что раньше готовила бабушка. Ели мы эту кашу с дедом вдвоем, деревянными ложками. Бабушка отказалась, сказала, что борщ доедать нужно.

Каша, наверное действительно, была волшебной, потому что уговорили этот казанок, мы с дедом, за один присест.

– Вкусно! Деда, а ты еще сделаешь палкину кашу?

– Сделаю. Но эту волшебную кашу часто есть нельзя. Только раз в месяц. – Серьезно отвечает дед, но лукавые огоньки светятся в его глазах.

– Да что ты дитю голову морочишь! – Ворчит бабушка.

– Ничего не морочу. Смотри, она две тарелки съела. А твоя каша, хоть какая-то, может побить этот рекорд?

Бабушке возразить было нечем.

Мой дед

Дед у меня – замечательный! Самый лучший! Он построил дом, где мы живем – сам, своими руками. Сложил печку, большую, теплую. Бабушка говорила, что соседи удивлялись: «Как же ты Андрей, сам все сделал? Это ж, уметь надо, где ты научился?» Дед отвечал: «Печка да, дело серьезное. Когда я был мальчишкой – смотрел, как печник работает, помогал ему и научился. Ну а все остальное – не сложно. Тяму нужно иметь, и все».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.